

м и ш е л ь
д е з а

75 – 77

м о с к в а
п р о б е л - 2 0 0 0
2 0 1 6

УДК 821.161.1-1 Деза
ББК 84 (2Рос+Рус) 6-5
Д26

Здесь собраны мои стихи написанные в 2014-2016, т.е. мои 75-77 лет.

Это отредактированный и организованный по темам материал из журналов [3]–[5] и новые стихи. А раньше я писал только в мои 20-23 и немного в 34-36; это было опубликовано в [1]–[2], т.е. книжках “59 – 62” (Париж, 1980) и, на стр. 1-68, “СТИХИ И ИНТЕРВЬЮ” (Москва, 2014).

Мишель Деза, Париж, 2016

Мишель Деза
Д26 75–77. – М.: ПРОБЕЛ-2000, 2016. – 136 с.
ISBN 978-5-98604-555-9

© Деза М., 2016
© «ПРОБЕЛ-2000», 2016

О ПОЗНАНИИ

Осыпается Дерево Знания:
сакурой, всё заливая белым.
Плоды запрещённые, ядовитые –
лучшие страшные сказки Науки.
Всё позволено и всё бесплатно,
уплывая в глубь Сингулярности.

•

Терять предрассудки
на тропах Познания,
может и погубить.
Уйдёт причинность и агенсу
(учуять тигра за шорохом),
растает запах надежды.
И за иллюзией личности,
воли/свободы и времени
уйдёт и иллюзия жить.

•

Знание – это еще и боль:
ящерка нового видения
юркнет по дюнам мозга,
хрустнет старая, взвизгнет
новая, длинная связь нейронов.
Знание – горечь похмелья,
утяжелит только ношу памяти:
нелегко забывать сознательно.

- Когда вера чарует тело:
как стигматы Святых Пяти Ран
(Святого Запаха, без инфекции),
смерть как проклятье шаманом,
плацебо, ноцебо, рэйки.
Но так же действуют чары знания:
когнитивный запас тормозит деменцию.
Различаются – вера и знания –
только методом их добычи.
Мозг нуждается в них обоих.

- Будда учил свободе как
альтернативе знанию.
Он отказался ответить на
14 «бесполезных» вопросов:
вечна ли, конечна ли вселенная,
едина ли душа с телом и т.п.
Да, знания – это расширить себя,
зависеть от мира, наркотик,
неутолимая жажда/надежда
прыгать из догмы-клетки
в другую, прочнее и больше.

- С арены нашего видения
по лестнице ДИЗМ (данные,
информация, знание, мудрость) –
понятиями ли, образами ли –
колонируем то, что не познано,
расширяем периметр власти.
А осознав непонятное,
приручаем его градацией,
называнием, нуль-гипотезой, как
предел пустоты или плотности.
Но только религия строит
честно-детское Знание Тайны.
Тайный смысл первой Торы –
что чёрным огнём по белому –
скрыт изменением нескольких букв.
Непонятные заповеди хуким
равносвященны с другими.
Из семи тайных смыслов Корана
1-й – 3-й – учёным, святым, пророкам.
4-й – 7-й – знает только Бог
или откроет себе однажды.

- Ненасытность моя –
свобода и знания –
как самоцели, опасны,
да и несовместимы.
Мужество как в Ригведе –
знать, уважать Незнание:
”может, даже Всевышний
не знает как создан Мир.”

- Уже ключевые хищники,
мы добавили к грудам органики
новый ресурс – знание.
Неизлечима зараза знанием,
безвозвратна дорога к истине,
неутолима жажда причинности.

- Расширив саванну своих интересов,
опять подбираем падаль.
Разделатъ тушу теории,
гипотезой как копьём
в терпкую плоть непонятного.

- Мы были ночными хищниками
или, скорее, падальщиками.
Научились жарить добычу
и не делить, если важно.
Первичная сущность Хищника
усилилась и разветвилась.
Развились щупальца мозга,
внимательный взгляд стервятника.
Одежда – шкуры культуры –
прячет оскал души.
Таков же и я, но “ботаники”
пожирают разве абстракции.
Мы кажемся безобидными
за не-интерес к человечине,
уход к “несъедобной пище”.
Но это неверно: жестокость
как точность удара мыслью
в разделке туш неизвестного,
ближе к стержню Охотника
обычного: грабить людей.

- Ночные средние хищники
смогли добывать падаль
в хитрых ловушках-ямах.
Дальше, по эволюции –
за 20000 поколений –
дошли до квантовой физики.
Чем не бизонья плоть теорем?
В ловушках теории
умертвить незнакомое,
добивать усталое.
За мишурой одежды,
слов, представлений –
Голая Обезьяна
щерится, беспощадная.
- Кеплер, Паскаль и Ньютон
были ещё до-учёные –
колдуны, толкователи мира.
Их охота была не за знанием,
а за подлинным смыслом Всего.

- Неразделённое знание –
слишком тяжёлая ноша.
Познание неотделимо от
желания быть понятным,
то есть приласканным.
Мозг, язык и абстракция
рождены не средой, а стаей.
Не абстрактны мотивы учёных:
опасность? пища ли? самка?
кипит всегда в подсознании.
- Меняются атомы знания,
но объём его постоянен –
это вместимость мозга.
Ещё обозримо, главное,
даже с краткой историей.
Энциклопедии – армии главного,
от 20 тысяч статей у Плиния
до 4,7 миллионов Википедии –
встают соборами универсальности.
Не полиматы нужны, а филоматы –
любовники знания, по Аристотелю:
теории, практики и поэзии.

- От “душ” Аристотеля, рыцари Знания
искали назвать минимальное в
понятиях жизни, сознания, мысли.
Живут ли кристаллы, прионы и вирусы?
Сознание как мерцание: от крупинки
стабильности к зёрнышкам хаоса.
Мысль как дитя нарастания сложности
в витках степеней рекуррентности.

- Наделять явления смыслами
создаёт поколение мемов –
значений, идей, символов
в цепной процесс обобщения.
Как всё живое, мем размножается,
Смысл изменяет живое,
как и оно меняет планету.
Смыслы будущего нас покинут
в процессе роста абстракции.

- Подходящей дозой, любое
действие станет наркотиком.
Любой, подходящим действием,
объект превратим в идола.
Мы лепим себе скафандр выживания,
пережить токсичность реальности.
Обшивка, как стенки термитника,
из засохших отходов сознания.
Наука: начать с наркотика ясности,
поклоняясь идолу объективности опыта,
а затем страдать при скачке парадигм –
хруст скорлупы, расширение личности.
- Опьянённые ясностью, мы прожигаем
чёрные дыры в своём небосводе.
зеркальцем самоанализа.
Но похмельем являются страх
и предательство воли и памяти.
- Абстрактность – детство понятия.
Взрослея, любые понятия
становятся просто словами,
табакерками сжатого смысла.
Их можно пощупать душой.

- Когда пылающим соколом
взлетает новая мысль,
понятия стали упругими,
слова крошатся в руках.
Застыли все ветераны-взгляды,
идёт пересмотр всей армии...
Пока не рассыплется искрами
сгоревший звёздный корабль.

- Собирать и хранить
блестящие камушки –
предметы, люди и знания –
плотные зёрна значения.
Каждый владеет Лувром
своих концентратов смысла,
пытаясь понять свой аквариум,
обуздать безразличие мира.

- В пантеоне Наук и Ремёсел
бездонность и упоение есть
и в малых потоках знания:
люблю Алхимию и Геммологию.
О, камни, поймавшие свет!
Звёзды искрят в кабошонах
изумруда, сапфира, рубина.
Бегущие блики шёлка:
кошачий глаз хризоберилла,
глаза быка, тигра и сокола.
Смена цвета александрита,
радужность перламутра,
переливчатость опала,
мерцание авантюрина.

о математике, времени, числах

Хорошо обучить математике – это
вздыбить мозги для небесных прогулок,
почти без оглядки на правдоподобие.
Необозримое Гуляй-Поле,
где решить задачу есть только
повод – перепоставить её опять,
разве круче взнуздав условия.

•

Предрассудки в науке пока неизбежны.
Теоремы обычно лишь обобщают
наблюдения фактов в букетах пальцев.
Типична ль опушка $\{1, \dots, 20\}$ Чисел?
В глубинах Леса найдём на полянах
следы неведомых сущностей логики.

•

Теорему, факт, наблюдение
обобщай, пока упрощается.
Непонятное режь на случаи.
Сложность – это эстетика знания,
да и его экономика; заменяет
исходные этику и мотивацию.

- Математика идёт от культуры,
но измеряемость мира –
малые числа и расстояния –
заложены как то в глубинах мозга,
в первичных перечислениях,
оценках опасности, голода или,
вообще, достижимости нужного.

- Структуры из математики
можно жить как модели мира:
связью чувств и сил с аксиомами.
Ердёш жил в Больших Числах, где
всё позволено (теорема Рамсея).
Вольнодумцы – в лёгких структурах,
где много люфта и быстрых удач.
Крутые – в сложных аксиоматиках,
жёстких объётах глубинного холода.
Я же – в пространстве с метрикой.
Верую, в аксиому треугольника,
в суверенность точек-нейронов
и их расстояний-аксонов.

- Чёрным огнём точности
математика пишет по
белому льду явленного,
испаряя ненужное и,
дождём цепких формул,
клеймя вереницы фактов.
Оцепеняя абстрактностью,
взгляд проходит как скальпель:
понимать, называть, менять.
Но возврат души неизбежен
в ледяной вихрь явлений,
наш единственный дом.
- Время квантов и время космоса
могут течь совершенно иначе,
чем Амазонка обычного Времени.
Там позволены и роятся
обнажённые сингулярности,
допланковость, обратимость,
и сверхсветовые судороги.

- Непрерывно, конечно, реально ли Время (Смолин против Эйнштейна–Таггарта)? Кучка физиков верит в его неединственность. Ощутить, в дрожи пальцев, немыслимость Времени: от искорки-трути до цикла Брахмы, 30 порядков, от зепто- до зетта-секунды, через все 42 порядка. Сомнительно прошлое, будущее же – и подавно. Это историки, что оскверняют могилы во Времени, не бояться, что прошлое непостижимо, и создают, каждый свою, его допустимую версию. А будущее может и не случиться, как может и волновая функция не разродиться в факт.
- Всё измеряемо – числами, шкалами. Как микрожизнь – единица риска (полчаса жизни, то есть 57 лет/1000000) и микросмерть (вероятность 1/1000000 смерти). Как шкалы боли и счастья, формы фекалий и монотеизма. Ах, измерить и произнести, неужели это уже не опасно? Назвать, как ударом хлыста, приручить, измеряя, поимки в безудержном рое явлений.

- Не бесконечен лист названий, понятий, ощущений, композиций, то есть прирученных кусочков Тьмы. Машины – в этом веке – всё поймут, разложат всё людское в Зоопарк. Всё что доступно нашим чувствам, мозгу, посадят в клетку из сплетений чисел. Всё человеческое и гораздо больше над миром встанет Вавилонской Башней.
- Числа живых и живших, включая прионы и вирусы, конечны, хоть и громадны. Конечны и числа их состояний. Склеив всё, получаем Мегахимеру: жизнь как одно большое число, и всё же песчинку в величии обоих, пространства и времени. Вот так машины и чувствуют нас.

- Первые раны объекту познания наносят названия и числа-стрелы. Земля непонятна, но в ней $\sim 10^{50}$ атомов; было $\sim 10^{40}$ живых, включая бактерии. Лишь микробионты кожи Земли, плесень и слизь на поверхности Камня, пылинки в размере и времени – мы – знаем, что скорость земной эрозии – 30 В (Бубнофф единиц), то есть 3 мм в столетие.
- В среднем, Космос – прохладный газ (2.735 К), цвета “космический латте”, протон (один) на 4 кубических метра. Но массы пока хватает на плотность чёрной дыры. Измерить/очислить Целое люди пытались и раньше. От Песни Песней к Шиур Кома, размеры Бога – сто сорок миллиардов вселенных. Время Вед – бесконечность жизней/нежизнен Брахм, каждая – 311 триллионов лет.

- Почувствовать вместе новые точки в толще нашего знания. Центральную точку хондрита Земля в железном кристалле ядра, центроид нашей галактики. Есть центр и у мира – он в сверх-пустоте Эридана, в холодной точке/истоке, в начале Большого Взрыва. И самый дальний и быстрый, глаз (с 63 KB памяти) – Вояжёр-1 – бегущая точка, фокус Большого Контакта.

О ЖИВОМ И ЭВОЛЮЦИИ

Когда Жизнь металась,
в кислородном угаре,
наливаясь метаболизмом,
туда и обратно – на сушу
и в многоклеточность...
Встреча на пожирание
трёх блуждающих клеток
скользнула в чудо слияния:
общую клетку с ядром:
первый интеллигент,
химера-эукариот,
два шага до человека.

•

Скалы, вода, CO₂...
Градиенты протонов
в термальных ветрах
легко породили живое.
Эукариот к Интернету –
тоже недолгий путь.
Великим прыжком и чудом
стали сами эукариоты:
сильные и громадные,
они потянулись к сложности.
Редкие зёрна мудрости –
ищите таких в Космосе.

- За “скучным миллиардом”
микробов и водорослей,
до Авалона и Кембрия,
750 миллионов лет назад,
магма Земли охладела,
материки шевельнулись,
кислород просочился всюду.
Жизнь всколыхнулась
радугой сложности, но
без внутренних органов.
Съедобность ближнего
ещё не известна и ниши
ещё не заполнены.
А мы – уже эукариоты –
были щепоткой шансов
в спектре возможного.
И это вот оказалось
серединой жизни Земли,
её столицей во времени.

- Одеяло бактерий окутало Землю, как
часть их диаспоры в нашем парсеке.
Если был и Адам, то Эукариот,
гигант по размеру и сложности,
дитя самой важной встречи,
когда паразит ли, добыча ли
стали ядром, митохондрией.
Грибы, растения, мы (животные)
рассыпались по одеялу
в горячем супе бактерий,
вспыхивая и растворяясь...
Чем отличаемся мы от бактерий?
Пузырьком мимолетным, лети моя воля,
неуёмная блёстка в каскаде вселенной.

- Секс – как танец геномов – есть у бактерий и вирусов. Горизонтальным трансфером, а не дисциплиной мейоза, взметнулись хляби Живого. Кислород – как яд удвоения, фотосинтез, эукариоты возникли в редчайших – раз в миллиард лет – судьбоносных встречах бактерий, а не по “отбору лучшего”.

- Если недолог век микроба, то у макроба жизнь сложна: пустые хлопоты секса, восстания раковых клеток, много врагов, старение, ненужная сложность мира.

- Типичная жизнь на Земле – микробы в интимности паразитизма/мутуализма. Многоклеточные на поверхности, с их хищничеством и сексом – исправимые исключения. Их влияние ограничено.

- Как и при встречах звёзд, между съесть и не съесть ближнего есть частичные поглощения: в материи – как при сексе, во времени – паразитизм.

- Паразитизм – это танец, ведущий всегда к симбиозу. Трогательны первые шаги: кукушонок, увидев хищника, спасает себя и птенцов хозяина невыносимой волной запаха.

- За первичным “касаться” и слабыми “нюхать” и “слышать”, “видеть” – из технологии Кембрия – резко расширило знания особи. “Видеть” позволило “двигаться”, прятаться и нападать, то есть спектр поведений, приведший к видеть и двигаться в мысли.

- Не угасла ещё воля Кембрия: Жизнь штурмует поверхность Земли. Пожиратели света и кислорода оттесняют всё глубже в планету предыдущих владельцев Земли.

- Жизнь пробует асе струйки, капилляры, просачиваясь в Будущего поры. Не только крысы, мы и тараканы – сложнеют все, идя своим путём. Мы не цари, а княжество в природе. Нас мало в биомассе и числе, и роль людей не больше чем бактерий. Не только мозг приводит к чудесам. Регенерация у гидры: 300 клеток и из двухсотой от всего её объёма; другой полип способен молодеть. Есть ели и дубы по 10 и 13 тысяч лет; чёрный коралл и губки по 4, 10 тысяч лет. Живут, сейчас, с глубокого до-Кембрия – медузы, губки, дендограммы. Живут бациллы (неземные ?) на высоте 40 км. Рак Генриетты Лакс (убил её в 1951-ом) живёт и делится, как новый вид, уже +20 тонн, быстрее и сложнее всех известных клеток.

- В модели Чёрной Королевы, путь эволюции – назад, в компактность и загадку простоты – снимая функции что делают другие. Как, в пароксизме роли паразита, в геном хозяина идут эндобионты, как митохондрии ушли в структуру клеток. Не паче ль сложности иная простота? Быть сложным, даже быть отдельным – суть лишь стратегии игры, где ставки, выше успехов и провалов фенотипа.

- Нечленимая сложность и факты с вероятностью меньше $1/10^{150}$ не столько ведут к Инженеру, как к несравнимости мира с котомкой нашего знания.

- Да, Эволюция похожа на учёбу своей инкрементальностью, шажками. “Фиксировать мутацию” похоже на “уточнить модели вероятность”. Нужно не знать, а лишь уметь учиться. Но, исключив Предвидение, всё это создало новых идолов модели: неограниченные клады Памяти. Чем не Разумный Замысел опять?

- Конструктор ad hoc, Эволюция неоптимальна, слепа и бездумна, без памяти, плана, изящества. Наши геном и сознание полны устаревших деталей. Не несмотря на это, а в этом наши высшие чувства.

- Может ли, “хочет” ли Эволюция, как динозавров, покинуть нас, ради чего-то нового? Не так уж мы совершенны: геном переполнен обломками смертельных схваток с микробами.

- Что есть личность,
союз нерушимый клеток?
Но 8 недель обновляют
всю материю тела.
А в ускоренном времени
даже полная жизнь –
случайная вспышка материи.
Как скользит смысл организма
в расщеплении метаморфоза,
в химерах и агрегатах амёб?
- Что есть душа существа?
Точка ль контроля в мозгу,
точка ли хрупкости в сердце?
Седалищный нерв, по запрету?
Центр ли тяжести, плотности, ярости?
Потеря ли веса при смерти?
Отражение сверх-существа,
эхо первого грома?
А, может, просто мечта иметь её?

- Вызывающе обнажённая
наглая тайна Живого
ещё не приручена биологией.
Организмы, голобионты,
племена ли, виды ли, гены –
кто субъект Эволюции?
- Прямо ли (хищники и паразиты),
косвенно ли (бактерии на органике) –
жизнь только переливается,
между сосудами-особями,
обновляемым смерто-рождением.
Большие вымирания только
переводят “больших” в микробов.
Антибиотики только меняют
бактерий на более устойчивых.
Но как/почему меняется
общий объём Живого?

- Над океаном первичной жизни – бактерий, архей и растений – смерчами идут цепи хищников, пожирая, растя колонии клеток. Микрожизнь отвечает паразитизмом, бесчисленной армией малых. Потоки рождений и умираний несутся как две Амазонки. Но это и есть Эволюция Жизни: микробы сложнеют, используя нас.

- Люди – слишком земные, большие, сложные и малочисленные – не успеют, наверно, покинуть Землю вовремя. А микробы – полунагие в камешках – покрывают космические расстояния. Выживают немногие, но достаточно для расселения вокруг Солнца. Есть и шанс заразиться жизнью при редких межзвёздных встречах. Однако, в масштабе Космоса, жизнь – наше местная форма материи, ну, на несколько мегапарсеков.

- Организмы и их отношения могут очень резко меняться. Были же первые пары: хищник и жертва, клетка и тот кто станет ядром. Первые встречи, как симбиоз, секс, многоклеточность, далее, до интернета и социальных сетей. Что в будущем? Жизнь может слиться в один организм или снова рассыпаться в клетки? Уйти в атмосферу, под землю, в градации газа, цвета и звука? Или просто вернуться в небытие той же дорогой.

о причинности

Прорубили дорогу к Богу
разрубив мир на ступени:
разглядеть в глубине аллеи
явление за ощущением,
причинный ряд за явлением,
волю/сущность за маской причины,
Собеседника в пламени воли.

•

Раскрашенный на явления и
прошнурованный тканью причин,
мир кажется бессмысленным.
Но, если свободны от наблюдателей,
явления сразу ползут друг в друга,
причины же деградируют в корреляции
и дальше, в непостижимость струн.
Каким же мир представляет Бог?
Собой в мерцающем зеркале?

- Охота за знанием – это представить лики явлений во Тьме Бытия, и кастинг: связи среди соседств, затем причины из корреляций. Наука осталась магией – сплетая желания с фактами, бросаем сети причинности: поймать, разделать, обжарить съедобный кусок Необъятного.

- Не верю в чисто случайное: даже играя в кости или с Левиафаном или в прятки цимцума, Бог оставляет следы. Неизбежны яички смысла в значительных глыбах данных и длинных рядах событий. Как в теореме Рамсея и Пуанкаре-возвращении.

- В пропастях Мега-чисел, в тоху-боху Бесформия и в океане Случайного, сверкают структуры: жёсткие, ясные лики значения, рокот ритма причинности в судорогах понимания. И каждое зёрнышко сущего влечёт вереницы зеркал, поколения смыслов: ударами осознания через строй наблюдателей.
- Это только сейчас апофения – лже-позитив и мираж структуры – есть случай ошибки (первого рода). А предки не отличали случайное от непонятого и неважного. Важное, всё, имело причину – часто неверную – смысл, структуру и знак. Имела смысл даже вера в серии: ресурсы, опасности были скучены.

- Так цена ложной тревоги ничтожна
по сравнению с ошибкой второго рода –
проглядеть саблезубого в шорохе –
что мы заполнили всё сознание
джунглями ложно-причинных связей,
поселили причину за каждым фактом,
а дыры заткнули верой, как ватой.
Отсюда тропизм всё структурировать:
законы, империи или симфонии.
Осознать же безотносительность,
аморфность и отчуждение мира –
это очнуться нагим, задохнуться в истине.

- Эйнштейн и Дарвин не очень любили
неуютность Дискретного Мира.
их Бог, непрерывно и честно,
соблюдает (его же) законы.
Но прав Макиавелли:
Принц выше его же закона;
вспомните случай Иова.
Бог – психопат: непредвидим,
случаен и беспричинен.
Причинность шкало-зависима:
тает в малости квантов или
громкости долгого времени.

- Глубокое Долгое Время
рождает мета-причины
по уровням результатов
всё более редких событий.
Далёкие/редкие выживания
особей-путешественников
важнее обычного рассеяния.
Вирус “добрее” со временем
и входит в геном хозяина.
Бипеды с лучшими лёгкими,
динозавры легко овладели сушей,
но Астероид Великий
опрокинул скрижали отбора:
динозавры-нептицы исчезли,
а из норок выползли мы –
живое второго сорта.
А визиты звёзд и вспышки сверхновых
стирают низшие каузальности.

- Не затухает эхо Сотворения,
личинки прошлого по Времени ползут.
Мидраш шептал: “не спрашивай что было
до тоху-боху, до бесформия Его”.
“Никто (и даже, может, Он) не знает в чём,
как и было ли Начало”: так поёт Ригведа.
Мотив познания – позыв к причинам,
в Аттрактор Прошлого, откуда
течёт, как тяготение, причинность.
- Ещё идут первичные процессы
своими шкалами по временной дуге.
Мир расширяется, но кластеры растут.
Галактика несётся, 630 км/сек,
к Аттрактору, что в сердце Ланиакеи.
А медленно: ядро Земли твердеет,
ползут материки, Луна отходит,
как волосы растут – в год 38 мм.
Познание уносит нас к истокам –
вспять по причинности,
в зияющую пасть Начала.

- В зоопарке понятий –
случившихся вместе,
но не в рамках общей структуры –
смотрю на смешание смыслов,
как на огонь, водопад и зачатие.
Слова, что готовы к метаморфозу,
переливание знаков в смыслы,
обнажение скрытой причинности.

- Как луч фонаря в ночи
лепит скульптуры из тьмы,
мы создаём рельеф,
наделяя факты значением.
Внимание режет узоры
лазером понимания,
выжигает лик соответствия,
полупричинность мира
из массы безотносительного.
Скользя по шкале осознания
в бездну немислимой точности,
компактности и конкретики:
облако – в твердь алмаза,
галактика – в сердце атома.

- В дожде ощущений, отсутствий, гипотез,
в нарастающем гуле вскипания тревоги,
Понимание встанет как радуга:
осмысление молний, обратно в стаю,
тепло и уют каузальности.

- Размеры живых: 10^{-8} – 10^3 м.
Законы физики и измерения
беспредметны вне 10^{-17} – 10^{12} .
Но мир – это 10^{-35} – 10^{27} м.

В бездонных глубинах Малого
таятся первопричины.

А их конечные следствия,
проскочив людскую срединность,
тают в высях Громадности.

- Мы не только ничтожны: это как посмотреть.
На пути к длине Планка, в бездонности Малого,
где пространство дискретно и всё нелокально,
оглянься: люди будут, как звёзды.

о боге и морали

Бог прост как точка:
ни частей, ни атрибутов –
лишь вихрь Имён.

Его непостижимость обложили
истолкования, решения миньянов,
пророческие тексты, гематрия,
тмура, нотарикон и девекут,
святое “прилипание” к Нему.

Создали-таки чувственное
знание о Нем, Его тенях,
параметрах, привычках.

•

Пространство Он создал до времени,
как место Его отсутствия,
цимцумом – контракцией Имени.

Время, как воды, стало потом.

Набросал под него атрибутов,
камней и программ Живого.

Улыбнулся светло и ушёл:

навсегда, по часам аквариума.

- Он создал мир и ушёл, и
вряд ли вернётся вовремя,
да и вряд ли подсматривает.
Если нечего делать, любите друг друга;
боритесь за что-то; ну, размножайтесь;
или просто: спокойно шалите.

- Бессмысленность мира –
не повод отчаяться.
Клетка – не заперта,
остров – необитаем;
на свои опиоиды –
страха, воли и радости –
строится вся избушка.

- Даже если мы, люди, и вообще,
разум, суть патогены для биосферы,
болезнь на десяток миллионов лет.
Даже если секс, многоклеточность
провалятся как стратегии
в войнах между микробами.
Даже если все клетки и атомы
рухнут в менее ложный вакуум.
Даже если, ища надежду, найдём
в глубине деконструкции
лишь Его равнодушие.
Стоит верить в своё присутствие
и единственность своей точки,
без всяких причин и следствий.

- Значение жизни:
не отвлекаться от целей,
уважать свои секунды
и не бояться смерти,
последнего приключения.

•
Где прячется 12-й имам
и 36 защитников планеты?
Мы ждем, а значит не сироты.

•
Пирамида добра перевернута:
точны детали, безумен план.
Расширяясь, добро испаряется:
холодна Его относительность.
Лишь в малом ещё выживает счастье:
здесь и сейчас, только в нём и с ней.

•
Щемящая точность пиллюля
порождает чудовищ логики:
Тьма – не отсутствие света,
а творение по умолчанию
до её названия Ночью.
Мессия придёт досрочно,
не в дату 6000, а сразу в субботу,
соблюдённую всеми или НИКЕМ.

•
Тора явилась нагая
дождём из буковок
чёрного пламени.
О, как больно в глазах!
Шалью из трёх ошибок –
разве в значке над буквой –
укутали пламя истины.
Стекает Нерастворимая
по лестницам понимания
в каменный сад толкований.

•
Явления созданы мемами:
в рою беспорядочных встреч
знаков, значений и смыслов
рождались объекты Реальности,
осыпаясь падшими ангелами,
осуждёнными вновь прожить,
заслужить свой возврат в Небытие.

- Продираясь на дне, через
груды разбитых сосудов –
одичавших, с потерей функции,
исходных Сил Разделения,
сил мета-кошерности ...
Из бездны бентоса
через “снежинки моря” –
выделения, умирания ...
От уютной плотности Зла
к невесомости Света
надо всплывать медленно.

- В законах Живого есть исключения,
чудеса поведения и структуры,
контрапункты к законам о Человеке.
Медузы, свободные от старения;
Личинки, живущие выпустив бабочку;
Жук Эпомис, ловящий лягушек;
Бамбук, что цветёт раз в 130 лет;
7 полов инфузории тетрахимены;
проституция у пингвинок – за камешки;
турнир акулят в материнской утробе;
самцы живущие в теле самки или
в оргазме с откусом их головы;
шекспировские судьбы паразитов;
гибриды, метаморфы, симбионты.
За каждым таким фактом
есть причина. А, значит, этика.
Возможна ли мораль всего Живого,
Талмуд для всех, включив растения
и, может, вирусы, бактерии, прионы?

- Мораль идёт не от Бога,
а от неизбежности правил
делить добычу, самок, опасность.
Она расширяется с опытом
осторожного сдвига границ.
Мораль – неизбежная вера
у всех социальных видов.
Но правила, общие всем животным,
могут быть и прямо от Бога.

- Культурные универсалия
меняются геологически быстро.
В сокрытии женского – чадрой,
бикини или по-японски
(прикрыть разве розовое) –
отличия только в символах.
Придут ли глобальные правила?
Нежелание есть насекомых уже выветрится,
а есть “больших” станет сложнее.
Чем человечина хуже свинины?
Микробов-то мы едим легко.
Эволюция правил лишь усложнит ритуалы,
режимы по умолчанию
уменьшат нагрузку решений.
Трогательное правило-творчество неизбежно
и в ad hoc-группах: оргиях, драках и войнах.

- Наши уклад, мораль и стратегии геологически, сложились недавно. Целью было лишь: до утра, выжить. Только страх вёл к риску и вариации, риск был важнее такой же выгоды. Решения остались нерациональны, это только изменения состояний. В заколдованном саду решений – крадётся сегодня этот же зверь. Опьянённый выбором, ищет аналоги понятных: опасности, корма и самки. А мораль была спайкой: чистота и лояльность к вождю и племени. Личное – справедливость и забота – вспыхнуло кристаллом монотеизма, огнями искусства, науки, демократии. Но понравятся ли судье-Эволюции эти недавние странные тренды?

- Невидимый третий всех разговоров, “мир-и-мораль”, наблюдает каждую важную встречу. Зло и Добро – это чуют Свидетеля, заручаться поддержкой стаи.

дороги хомо

Признание душевладельцами рабов, женщин и “всех людей” ещё свежо и проводится в жизнь. Последуют психо-особенные, близнецы-паразиты, эректусы, дети, братские млекопитающие, попугаи, вороны и восьмирукие. ООН увязнет в конфликтах – осьминоного-кашалотском и свино-человечьем. Но обыватель изменится мало в федерациях важных видов. И опять космически малая горстка земных организмов несётся в комете Времени.

- Из 150.000 поколений Хомо, отмахали 5.000 как Сапиенс. Вид молодой и подвижный. не то, чтоб особенно мерзкий, но и не тот, что любил Уолт Уитмен. Казалось, мы все обязаны любить семью, нацию, вид. Но взрыв свободы и знания, сметая все обязательства, создал совсем другие оковы. А может, всё это не ново: конфликт “морали” с развитием шёл уже с первых бактерий.

- Готовясь к встрече с Другими, не следует ждать “датчан”, а стоит понять микробов, их смыслы жизни и воли. Земля – планета микробов. Люди, да что там, все многоклеточные – суть только их транспорт, дома, машины. Они обезвредили антибиотики. Вирусы будут сложнее, черви, растения – проще. Дипломатия-в-космосе, если начнётся, то со словарей языков животных.

- Внеземная воля – контакт возможен в те, что остались нам: 10–5000 тысячелетий. Мы уже засветились визгом доцифровых ТВ и радио. Однако, не следует ждать в них ни врагов, ни друзей, понимания, общих взглядов. Наверное, мы несъедобны и наши игрушки им не нужны.

- По дороге в 1 миллиард обещанных сердцебиений, идут все люди, животные. Такие, кажется, разные; зато похожие, глядя из Космоса. Не будут нам братья-по-космосу ближе земных растений.
- Космос – не социальный клуб. Уход в одиночество сложности уменьшит число сравнимых. С Другими, возможной общности не хватит даже на ненависть. Разве ставши опасными, сможем привлечь внимание. Наши братья-по-космосу – только земные животные да горсть неконтактных племён. Не будет Других – не успеем. Инакость народов скоро пройдёт. Экспансия, переоткрытие мира пойдёт через дружбы с другими – живыми, но только на этой Земле.

- Недавно, геологически, ушли все “другие люди”. Геологически скоро уйдут шимпанзе, гориллы, оранги. Убрали себе подобных, уточняем опять (войнами) кто ж и впрямь владеет Землёй. Без соперников и свидетелей встретим милых братьев по разуму.
- Задолго до нас, цианобактерии, первые сверхинженеры планеты, выделяя O₂, отравили живое; остатки стали ДЫШАТЬ кислородом. Так же и мы: продуктами мозга перебьём остальных (и себя) животных, перебьём всех коллег и посредников по пищевым цепям, до простейших. И выживут не тараканы и крысы, а снова, как прежде, микробы-мутанты.

- Нужность и сложность эмоций
с эволюцией Хомо мельчает.
В подсознаниях недра скудеют:
культура выгребла главное.
Неизвестные нам эмоции
остались лишь у животных.
Серый Алекс, Канзи, Коко
всего лишь людоподобны.
Пусть ищут наши Колумбы
пряности, чувства, причины жить
в океанах страстей животных.

- Растут знания и человечество,
но человек деградирует в среднем:
уменьшается череп и мозг.
Натуральный отбор прекращён
медициной и деторождением.
Личность стирается – меньше нужна,
а центробежность растёт
генетически и в Интернете.
Движемся к нациям-ульям.

- Ненадобность шлифует организм:
с уходом саблезубых тигров, наш мозг
уменьшился и чувства притупились.
Культура лишь развила социальность:
зачем ей особи, ведь нет незаменимых.
Безостановочно тупеет средний Хомо,
слипаясь в кластеры термито-государств.
Прогресс лишь ускоряет атрофию:
за шахматами, в го машины-самоучки
уже сейчас умнее наших лучших.

- Да, помогла двуноготь:
видеть, бегать, носить,
расширился череп и мозг.
Зато теперь появились
артроз, родовые муки...
Хорошо бы опять на 4 ноги,
как в сексе и невесомости.
Чтобы подольше жить,
детей вынашивать дольше
и моногамствовать меньше.

- Мы были, миллионы лет,
лишь крысами динозавров:
прятались, но вылезали
ночью за их обедками.

- Подчиняя Землю, мы волнами
вышли из сердца Африки.
А крысы вышли из Азии:
чёрные – в 14 веке, с Чумой,
через Шёлковый Путь и Крым;
бурые – в 1727 через Волгу.
Сейчас они нам соперники.
Но, может быть, это ближайшие –
по качествам, духу, и воле –
собратья в глубинах будущего.

- После Чёрной Смерти (14 век)
наш вид растёт непрерывно:
с 370 до 7500 миллионов.
Быстрее чем думал Мальтус,
но принято не волноваться.
В эквиваленте, сухом, нас
100 миллионов тон углерода.
Наговорили 42 зеттабайт
(10 в 21-ой степени) речи.
Ощущаешь ли ты близость
с этим Левиафаном?

- Через узкий проход в Грядущее
пропихнуть своё семя/отпрысков,
не это ли цель эволюции, булавка,
которой мы все приколоты?
Но сверхпаразит – общество
(другие цели других)
вставило лестницы средств
и супернормальные стимулы.
Знания, власть, наслаждение
из средств превратились в цели
(как я – наркоман науки).
Но может, это и есть Размножение –
почкование целей от средств –
сверхцель эволюции, как прыжок
к фотосинтезу или на сушу?

- За 3D-принтерами, пойдут
роботы-подхалимы-куклы,
приборы сверх-восприятия
ультра/инфра цвета и звука,
переводчик с дельфиньего.
Заменят других на удобных,
любимых на аватары.
Гаджеты всё крепче
вонзятся в плоть потребителя.
Бессильные ограничивать,
упрёмся опять в тупики, типа
наркотиков и порнографии.

- Задачи сложнеют быстрее нас.
Недалеки пределы мышления,
границы доступной сложности.
Размеры данных и сроки опытов
превзойдут человеко-возможное.
Машины и их людские подобия –
коллективы, киборги и гении –
закроют науку для одиночек.
Атлетизм ума превратится в спорт,
как орудия сняли потребность в силе.
Философы и математики/физики
отступят с боем, последними.

- Не люди, не общество, а технология
рванулась вперёд обезумевшим псом.
Не успевая за ней, человечество
бежит, растянувшись на тысячи лет.
Казалось степенным развитие общества,
но тройка науки уже понесла –
метаморфозом, пылающей бабочкой
отделится первый, и главный, вагон.
Элиты всегда отделялись от черни,
но после сливались назад –
монотеизм и другие диффузии
держали устойчивым Хомо как вид.
Уже с языка, земледелия, Сети
возможное вздыбилось супервулканом
и знания лавой хлынули в Хомо.
Налоги, законы, все меры диффузии
не смогут ослабить Неравенство Знания.
И, в беге цикад, при демо- ли, авто- ли кратии,
где-то на подступах к первым огням Сингулярности,
элита, как раковый фронт Олигархии Знания,
сумеет теперь отслоиться, почкуясь как вид.

- В 16-ом веке любили страдать,
сейчас обязательно – счастье,
любовь – ОК, людоедство – не очень.
Но всё это лишь социальные моды,
кастинги в универсалии.
Но свобода, порядок, амае, ислам...
несовместимы и неустранимы.
Нет “человечества” на Земле:
в шкурах религии и государства,
племена гоминидов делят планету,
в древнем наборе целей и чувств.
Мораль и политика – тоже не ново:
лгать мы умели и в Плейстоцене.

- Между Землёй и Космосом
ещё бредём по пустыне.
Свободны от гнёта среды
с открытия земледелия,
но ещё такие же стаи
гоминидов с теми же идолами,
промежуточный вид –
Человек “Разумный”.
Моисея не будет, но Ханаан,
как следующий вид, возможен.

- Общество заменило природу
как двигатель эволюции:
наш вид приручает себя.
Демократия и диктатура
отличаются только стилем,
переходят друг в друга как моды,
не замедляя рост социального.
Личное опять обусловлено общим,
круг близких людей сокращается,
племенное ещё добивается.
Неоимперии – псевдоплазмодии,
сверх-многоклеточные слизевики
опять расползлись по планете.
- Человечество как авантюра Знания –
это весёлый способный ребёнок.
Гейзеры злобы из общества – можно
предвидеть, понять, уклониться.
Природа, в сравнении, кажется доброй.
Та часть неизвестного, что мы сознаём,
не смотрится срочной опасностью.
Гости из космоса, вирусы, роботы...
не страшно: договоримся опять.
Чёрные-чёрные, лебеди Рока,
не торопитесь нас унести.

- За жизнью –
простым обновлением праха –
и паразитами – есть частями –
из Кембрия вышли хищники –
ускорить трансфер протоплазмы.
Над хлябью Живого соборами
встают пищевые цепи –
дороги-правила смерти.
Если Хомо и выживет
на тропах Долгого Времени,
то лишь опускаясь, по пище, вниз:
от насекомых, растений, планктона
к минералам, газам и взвесям.
До дна – в режим фотосинтеза.

- Исход игры совсем не ясен,
не выпить нам бокал планеты.
Летит и наш метеорит или
циклон мутаций вируса.
И за последний миллиард
до опаления Земли
другие хищники захватят
глаз бури всех существований.

- Бог прав: размножайтесь как крысы,
плодите коктейли кровей.
Захват новых генов, площадок и знаний.
Вперёд, Обезьяна, нагая: твой срок.

cosmopolity

Да не безродный я космополит.
Между двумя сверхновыми
(от матери Солнца к ИК Пегаса),
живут наши в Шпоре Ориона
(рукавчик, где-то парсеков 8000
от центра родной Галактики).
Сами-то мы – эукариоты,
вся родня – двусторонние.
Ну, а если точно, то хордовые,
из этих, вторичнополостных.
Знаем твёрдо, кто и откуда мы.
Постоим за Галактику-мать.
Тут – наши исконные земли,
могилы солдат и предков.

•

Смешно и страшно, когда религия селит
чёрно-белость богоприсутствия
в приватность туалета.
Входить с левой, с шапкой, с молитвой,
выходить с правой, благодаря его
за мудрый дар выделения.
Жёсткая точность даже граничных понятий:
мустакзар: слюна чиста, но отвратительна;
мукайяд: вода соков чиста, но не очищает;
узр: неомовение, когда простительно.

- Осторожно волнуясь, латают
пробоины в своих взглядах
эликсиром прирученных перемен.
Великана, если он встретится,
сочтут ветряной мельницей.
Санчо Панса за масками Фигаро,
французы бегут по жизни –
не расплескать бы душу –
как в гонках лихих официантов
с подносами по Парижу.

- Не отрицай Гвуру: Бог бьет, но только левой рукой.
Като-французы не позволяют все выражения гнева.
Испанцев и русских считают инфантильными,
не способными скрывать отрицательные эмоции.
Злоба, не выраженная, не растворенная в возмож-
ном, концентрируется в яд “законного возмущения”.
Главная доблесть: реконструкция лицемерием.
Конфликтов меньше, но они неизлечимей.
И вырабатывается горькая амбра, угрюмость души,
как *Les feuilles mortes se ramassent a la pelle...*
(опавшие листья сгребают лопатой...) Жака Превера.
Все-таки мир Яфета хуже восточного хамства Хама.
Он уж совсем не тёплый. Не Запад ли Амалек?

- Сардины, увидев хищника,
спаиваются так, что стая хрустит,
когда он отъедает ломоть.
Не идеал формирует группу,
а общие страх и ненависть.
Идеалы вторичны: по отрицанию
деталей подхода к Ужасу –
единого, доназываемого
монотеизма ненависти.

- Начало, конец души
уточнятся ещё не скоро.
Ещё не ясны границы сознания
с младенчеством, комой, безумием,
гипнозом, сном, опьянением.
Но всё же громадные груды
готовых к норме людей
швыряет Время на берег –
много свежей и мокрой рыбы –
La Crise – время первой продажи.
Государства, идеологии, семьи
разберут, поделят, разделают
поколение за поколением.
Обрежут неясность границ
измерят, отсортируют
и расфасуют умело
тушки наших душ.

- Жизнь длится, при одноплодии,
от 5 минут (однодневка Долания)
до 130 лет (бамбук Мадаке),
но обрывается за исходом гаметы.
Да и при многоплодии, жизнь
угасает с концом размножения.
А и у трёх исключений –
косатки, гринды и люди –
длинный постдетородный период
объясняют “эффектом бабушки”.
Но люди, сейчас, отделяют
свою жизнь от деторождения:
воспроизводимость (2.33 на женщину)
прекратилась во всех “развитых” странах.
Ни людям, ни человечеству
не нужно много детей;
это нациям нужны граждане.

- Прогресс тормозит деторождение.
Секс и религия не помогают...
Дети теперь – не подмастерья,
не продолжатели, не формы пенсии.
Им легче строить себя
не вместе с, а вместо родителей.
Государства-кукушки легко отвлекают детей,
выжав родительский сок из нас.
Им нужны солдаты, налоги.
Государства должны оплачивать сами
распечатку, в своих интересах, граждан,
создав специальных маток –
как у пчёл, муравьёв, термитов –
заводы детопроизводства.

- Племена и государства, их кучи,
ведут себя как крутые подростки.
Можно, конечно, в них “только верить”.
А если нет, то нужно прошныривать
между их лапами тиранозавров,
пока не придёт астероид-спаситель.
Впрочем, были короткие, светлые годы,
скажем, пещера Бломбос, Афины Перикла,
поздняя Чжоу в Китае, Самарканд Улугбека,
Флоренция при Лоренцо Великолепном.
Когда культура шла во 2-ой с 3-го круга власти.
Когда Аристотель, владелец знания,
учил Александра, владельца пространства.
Не увидеть мне такой минутки:
прочная ночь кругом.
Одна надежда, свеча во тьме –
виртуальное племя,
заложники и праотцы грядущего:
читатели Википедии
да верные фанаты знания –
её анонимные авторы.

- Через города, небоскрёбы
с деградацией особей
и укреплением наций
идём к термитникам, ульям.
Там-тамы фашизма –
боязнь центробежности,
и права на ничтожество –
глушат писк демократий,
штампующих вновь неравенства
через знания или деньги.
Капитализма – измерять деньгами –
только замедлит это процесс.
На каждые десять учёных
университеты плодят 1000
новых фанатов фашизма.
О, мой народ Википедии –
обобщённые люди Книги –
растворись, но выживи
в торжествующих Спартах.

- Португалия и Голландия были –
недолго – первыми нациями.
А Франция и Россия веками
были только вторыми.
Какие футбольные страсти!
Сейчас только нации
дают пайку каких-то прав;
апатриды беспомощны,
как сироты или бесполое.
Малая, тихая воля –
быть вообще человеком –
замри, уцелей, доживи.
- Не всё глобальное объединяет Хомо.
Раствор английским WWW достиг предела.
Перерастут ль Е-нации в подвиды –
Китай, Иран, Россия, изоляты?

- Ох, не новое наше время:
средневековье ещё идёт.
Ислам, Китай и Россия
правы махать клешней.
Возрождение опять уходит,
опять развернулась история.
Мы не прожили все потопаы,
не испили все чаши злобы,
не готовы к человечеству-2.

- Даже будучи мерзкими, факты
имеют права и обязанности
в раю объективного знания.
Как Бристольская шкала стула,
или стиль и мелодии пыток.
В 1529, культура Европы выжила,
узнав детали подкопа Вены при
пытке, жуткой, пленного турка.

- Перерабатывая кофе в теоремы,
помянем осаду Вены в 1529.
Проиграв “битву кротов”, Сулейман
ушёл, но забыл мешок с зёрнами –
стимулянт непьющих турок.
Так Кофе открыло Запад.
- Культура не лечит от зла.
Хорошие акварели Гитлера
и стихи раннего Сталина
лишь усилили их внимание
к другим творческим людям.
Диктатор-художник режет точнее.
- Ненависть к чужаку,
мэтэку, гайдзиню, лаоваю
обобщает страх патогенов.
Но только умножив на идеал –
чистоты и первородства –
выводят крепчайшие сорта:
на еврея, цыгана, рохинджа.
“Спасай Россию, Словакию, Мьянму!”
Поёт, с любовью, душа погромщика.

- Универсалии начинаются как особенности национальной культуры. Чужак отрицается в форме любви к “нашим” и уникальности их понимания. Вагнер музыку, Бибербах геометрию очищали от “жидо-французов”, выдавливали их из человечества. Но нац-универсалии, отслужившей в спасении испуганной нации, надо бы слить накопившийся яд, перейти на службу всему человечеству. Ну, не так уж загадочна русская душа (быстро ездить, только верить, выпить?) и не только японцам доступно печальное очарование вещей.

- Романтизм – это тяга к Матери, очистить её от Другого, выжав его из жизни. Немного поэтики Вагнера или Льва Гумилёва, и, в похоти нациомистики, можно крошить нацменов.

- Интернет возродил Поэзию Брани – праматерь всех языков: гейзеры горькой ненависти бьют со строк комментариев. Клеймят «Рашкины поцтриоты» жопулизм» Обаме и «украи» «либерастов» и жидо-чего-то-там. Горько, но это тоже культура и мета-мораль Поэзии: создание мемов, мечта о чистом, какой-то мутант любви.

человек, другие

Венеры из Берехат-Рама, Тан-Тана, 230-500 тысяч лет назад: протолюди увидели женщину в камне, добавили охру, насечки и веру – искусство, абстракция и теорема. Венеры Палеолита, своей наготой раскрывают желание как геометрию: грудь и бёдра вписаны в круг, а вся композиция – в ромб. Не могла измениться сущность желания, но множество разных подходов к нему, личинок, моделей почти-желания создали художники с той поры.

- Женщины как суровые офицеры, присяжные сексуального отбора, что судят от имени интересов племени. Да что там, от имени всей органики, смывая взглядом шкурки того что не относится прямо к Делу: отцовскому вынашиванию семьи.

- Скелет беззубого неандертальца означает что кто-то жевал для него. И что мы теряем искусство любить с развитием технологий.

- Кабир, Окуджава воспели единство Любви и Разлуки. За этим стоит интимность Секса и Смерти в природе. Осьминог умирает, послав гамету. Львицы приходят в эструс с убийцами их детей. Пауки выбирают самок, только что съевших самца.

- Любовь – безумие вдвоём: переходить свою границу/меру. Цель – это проглотить Другого или, что то же, утопиться в нём. Страшны и большие группы, где равенство невозможно, кроме худших моментов массовой злобы и рабства. Люблю малые, 3-7, группы, звонкие кучки твёрдых шаров, соавторы-сообщники-охотники, как до Каина и земледелия.
- Понять Другого – как ожог чужим крылом, разрыв рутины эгоизма. Но сладость симбиоза лечит – окситоциновые ванны мозга – любовь и дружба: приручать Других, брать в плен и отпустить в своём дворе.

- Приручать – это форма охоты:
собак – бабуины, дельфины – губок,
тлей – муравьи, но и их – голубянки.
Волков – охотники, а их же,
как злаки и скот, – землепашцы
(не убил, приручил, Каин Авеля).
Капитализм приручает полуфашизмы.
Приручать – это склеивать акты охоты
в многоклеточность целой системы,
паразитизм большого на среднем.
Так Кембрийское кредо “сожри соседа”
превратилось в изящное “ну, объясни им”.

- Нормопаты бегут по косоугору
между обрывами Аутизма и Шизофрении,
между избытками локальности и глобальности,
между не понимать других и понимать их неверно,
между слишком и недостаточно плотным миром.
Не стоит селиться надолго в садах безумия,
но нужны обе крайности при добыче знания.
Парить в психозе, почти невесомым, над Океаном,
заметить малое-дрожащее-незавершённое,
воткнуться метеором в плотную глубину,
до аутистического экстаза Встречи
и разрядиться пружиной назад,
но с тушкой свежего знания.

- Даже в моменты эврики –
осознав сдвиг парадигмы,
но ещё не почуяв выгоды –
мозг цепенеет в ужасе:
зверушка боится света.
Мы живём в восприятиях
как червячки в яблоках.
Реальность удобно съедобна,
пережёванная иллюзиями,
в расфасовке лже-времени и
лже-пространства личности.
Какие там братья по разуму,
понять бы соседа по лестнице.

- Эффект Акелы –
сохранять за знания
(не только ради внуков)
бесплодных «сенаторов» –
нашли у людей, гамадрилов,
слонов и китовых:
слонихи, старые, знают
далёкие ямы с водой.
А вот нас, учёных,
выгоняют на пенсию
уже с 63-65 лет.

- Среда влияет четырежды
сильнее общей генетики,
судя по близнецам,
сравнимым в их 50.
Культура – эпигенетика
вывает в горниле общества.
Разве скользя в расщелинах,
между углями и бликами,
может уйти ящерка
к печам своего выбора.
- Тела одеты, но мозг обнажён.
Мы ВИДИМ чувства
других животных:
коллег, друзей и прохожих.
Схватка чтения мыслей
идёт в любом разговоре.
- Равноправию в стяжке не быть
без узких и точных целей.
Как зебра и страус: удвоить чуткость,
то есть сообщники по выживанию.
В семье, оно невозможно без третьих:
общих детей, врагов, предрассудков.

- Свободная воля свободнее в “зле”,
во мгле одиночества, в до-наказании.
А в актах “добра”, наслаждение
делится на число согласных.

- Выбор из двух радостей
свободнее чем из зол.
Свобода – это надежда,
а не детали выбора.

- Яркие жесты и мимика
превосходят слова
в концентрации смысла:
агрессии, лжи и флирта.
Кнель (перевёрнутый «Neil!»):
свежий знак жидоедства.
Подбрасывание – знак банд,
змеиный взгляд, глаза-омуты.
А английская королева Лиза,
как и моя какаду,
даёт лапку не полностью
и чуть-чуть с опозданием.

- Узнавание себя можно проверить,
шатая свои границы.
Эффектом “зловещей долины” –
ужас человекоподобия –
как зомби, протез и труп.
Или иллюзией “странного лица” –
увидеть, один в полутьме,
в зеркале через минуту
иного себя и Других,
брататься со своими демонами.

- От честной “улыбки Дюшена”
к “древним” улыбкам скульптур
и маскам-улыбкам загадки/лжи –
возможен контроль над танцем
двух лицевых мускулов.
Но профилем лгать невозможно:
душа, не прикрытая сбоку,
нага, слепа, беззащитна.

о пределах, тревоге, смерти

В громадных бесформенных данных,
за заборами опыта, чувств, аналогии,
без надежды и нуль-гипотезы,
почуять Непознаваемое и,
в судорогах несовершенности,
уткнуться в стенку аквариума.

•

Ощутить пространство безлюдия –
всё что не тронута человеком –
ни рукой, ни глазами, ни мыслью.
Стада неосмысленных фактов,
объекты без контура и названия,
неизвестное Неизвестное,
никогда и ни в чём недоступное.

•

Приближаться к стене Несравнимого
звонит полувыходом из человечества,
как в “зоне смерти” с 8 км на Эвересте.
Но обаяние предела есть даже и в слишком
длинном и медленном, как в падении капель
битума (9 с 1927 г.) в опыте на сверхвязкость.

- Сравнимое, но ОЧЕНЬ большое и долгое, кажется бессмертным, внимательным Богом: замыканием постижимого, смыслом сферы присутствия.

- В обращениях к хищнику есть аргумент и поэзия. “Я – мёртвый”, “опасный”, “безвкусный”, “не тот”, “устанешь меня догонять”. Уменьшить риск, приблизившись к соседям, ранить соседа – предложить его. Косяк насыщает хищника – с ним разделить укрытие. Переполнить врагов при взрывах рождений: кораллы, цикады, бамбук. А у нас, очень старых животных: “ладно уж, съешь меня, что ли”.

- Когда придут четыре курофунэ, пощады нет от чёрных кораблей и демонов что высыпят на берег. Божественный тайфун не состоится, но есть амаэ – мужество зависеть. В финале встречи хищника и жертвы, последняя стратегия – любовь: узнать отца в чудовище над вами.
- Не ушли, не уйдут саблезубые тигры: за 10 парсеков крадётся сверхновая смерть. Ночь Космоса, полная ужаса звуков, прижала нас к стенкам деревьев-домов. Секунда сверхновой (или вся жизнь Солнца) есть мера громадности – 1 фое. Так кричат звёзды, встречая дыру. А гамма царь-всплеск, 8800 фое, прошёл рядом во времени, в 2008-ом.

- Романтический пафос старости:
не встречать ликвидаторов Времени
баррикадой обугленных смыслов –
грудами взглядов, привычек, вещей,
а выпить визит как цикуту.
Моя девочка-каравелла,
уходящая мягко в Ночь,
в мою маленькую бесконечность,
под серым знаменем старости,
за золотом невозвращения.

- Умирать –
скользни моя нацепочка, колечко-шатунок
с иглы/оси Времени, Экскалибур-размерности,
в пучке пространственных обычных измерений.
Умирать – скользить с Иглы – стружкой,
искрой и жужжанием замирающего волчка,
оставив след лишь в облаках виртуальности.
Прийти, в свободе/дисциплине мысли,
к их слиянию,
и чистить пёрышки, как какаду, что прожила,
со мной, лишь первый из положенных 80 лет?

- Виды тоже суть особи, разве что в больших
структуре, пространстве и времени.
Смертность себя, семьи, государства
мы уже допускаем. Но только не Homo.
Так тайно мы верим в бессмертие
песчинки/себя, в непрерывную память,
в наличие смысла и прочих абсурд.

- За щелчком личной смерти, неустранимы и
смерти семьи, государства, Земли и Солнца.
Земная жизнь не продержится и миллиарда лет.
Ну, ещё миллиард-другой уйдут на микробов
в глубине коры или стратосферы.
Все, однако, надеются, по умолчанию,
на бессмертие Нас, человечества,
хотя нам цена, максимум, 5 миллионов лет.
Больше: люди верят в бессмертие
их племён-государств; ведь ещё существуют
старейшие: Иран, Вьетнам, Шри-Ланка, Израиль.
Размножаются быстро и клетки рака
Генриетты Лакс (умерла в 1951).
Каждый, внуками, публикациями ли
замедляет смерть памяти о себе.
Есть и очарование Смертью:
средневековые пляски с ней, Седьмая печать,
Бон Одори и сладость Околосмертья,
говорят возвращенцы. А, может, просто
стокгольмский синдром,
последняя хитрость мозга?

- Вижу тебя, гоминид-потомок –
комочек думающей воды –
откопавший часть моего черепа.
Такой эпизод – музейной костью –
не усложнит геологию Времени,
медленный взрыв моего “я”:
разложение, расширение,
растворение, испарение –
по распаду протонов,
к Тепловой Смерти.

- Жизнь трупа значительно дольше:
скелетом, распятым в смоле,
плыву по Дороге Времени. Таю и
леденею в пламени-холода времени.
При вспышке метаболизма,
в пучке разъерошенных смыслов.
я бил – крылышками мотылька –
не слыша мета-мелодии.
Выветривание – тайна бытия,
Уроборос – ритм ритмов, ведёт
очарованный танец материи:
создание как элемент распада.
Замыкаются линии времени
в бесконечностях полураспадов:
плыву по моей бесконечности
к нирване слияния в точку.

- Старый самец человека,
крадусь по оврагам улиц,
верный законам физики,
гражданству Антропоцена,
с тем же колчаном желаний.
В сладости догорания,
очиститься от добычи
раздачей вещей и знаний,
и мезью – добром за добро –
близким людям и птицам.
И на пустой желудок,
опустошив колчан и карманы,
эмигрировать вон из жизни.
- Блоб человечества – пол-гигатонны,
слизевик – семь миллиардов амёб –
растёт экспонентой за счёт биосферы,
ползает, гадит и жрёт.
Я – тоже амёба плодового тела,
но как-то неверен ему:
амёбой отдельной, горошком беспечным
катиться, – пьянея – от счастья, – во тьму.

О ПОЭЗИИ

Бревитас эти – усилия краткости,
идеи-киборги – ошкурены тропами,
или букеты пылающих фактов.
Не столько поэзия или риторика –
как вопли – страха и удивления,
ужаса и восхищения – в пещере
сокровищ, чудовищ и тайн,
которой открылся мир.

•

Пишу о космическом, так как
вижу в нём те же нужнейшие
тепло, надежду, убежище,
те же пейзажи и чувства,
такой же источник пафоса.

•

«Мысль изречённая есть ложь»,
знал Тютчев. И подробно объяснил.
Так и сейчас, в мои 75,
потребность объяснить
сильнее чем боязнь солгать:
«быть» перешло в «сказать».
И боль, что есть кому/что сказать.
А русским языком – это как возраст,
мне слишком поздно это избежать.

- Лучшее чувство: первым войти
в необитаемый остров-образ,
и не овладев, растворяя его,
отпив только первый глоток,
передать его следующим людям.

- С самим собой, интервью
отмывают белее всего.
Оказались нужны читатели
отдавать добытые образы,
чтобы утром опять выходить
на охоту по мокрой траве.

- Чем не забавна автофилиппика?
Самоукусы моют белей.
Верлибр, отсебятина, мегаломания;
Отсутствие тонкости, нежности, меры;
Нравоучительность, grandiloquence;
Помпезность тематики, терминов, стиля;
Гротеск (многоплановость, метаморфоза);
Манерность, неясность, нечеловечность;
Нескромность, небрежность, нагроможденья;
Незавершёнки да черезчурь поганая;
Китч на патетике. Что-то ещё?

- Я не боюсь нагромождений:
чрезмерность – это часть сигнала
(для каши нет избытка масла).
У точности, своя эстетика,
свои приличия и адресат
с нехрупким фокусом внимания.

- Мои тропы – несложные:
перечисления, гибриды смыслов,
стаи литот, скользящая камера,
сдвиги масштаба/проекции/фокуса,
Иностранный Легион терминов,
отливы в ритм множественности.
А фразы, структура – обычные.

- От проповедников к Джону Донну,
воины Слова знали эффект
нарастающих перечислений:
амплификация и экзергазия.
Перечисления как заклинания,
неудержимый прилив смысла.
Ритмический марш значений
градуирует время текста,
организует пространство:
даёт ему направление.

- “О, поднимите мне веки,
будите спящую душу”:
стонет молчание-в-нас.
Измельчены и очищены,
выварены волей автора –
сорняки, колоски, недоделки,
отходы мысли и знания –
встают компостом Поэзии,
питательным кормом Любви.

- Люди, как и термиты,
создали касты профессий:
полезные сдвиги личности.
У нас, у воинов Знания,
абстракция суть оружие,
троп и лопата мысли.
В Литературе же это ново:
пугает, царапает, злит.
Но языку, включая Поэзию,
придётся освоить нашествие
наших связок и терминов.

- Толстой не любил метафор
и прятал их в содержание.
Но прав Аристотель:
в них сущность мышления.
Метафоры отцепляют, от
рыхлой ненужной точности
лже-объективной реальности.
Это прыжки, которыми разум
умеет летать – далеко и быстро.
Подлинный поиск ума
идёт не по корочке речи
над подсознанием,
а по поверхности магмы.
В будущем речь превратится
в ровный поток метафор.

- Пётр отменил много букв,
но потом вернул-таки
ферт «ф», «з» и «и».
Непроста и судьба «ё»:
её только 24-12-1942
формально присоединили.
А вот у «ерь», «ерь», «еры».
не было открытых врагов.

- Шеренги букв, слова-многоножки
бегут по бумаге, роняя смысл:
Ааааба – род жуков,
Ийййоки – река в Карелии,
Ийййанна – тамильская буква,
Йаййа – буква панджаби,
СССС – сербский крест.
Люблю надежду/угрозу/вскипание
почти независимых элементов,
рычащих в нежёсткой связке.
- Когда первый поэт, в глубине веков,
прохрипел первую фразу,
это было «убирайся, чужак»,
подкреплённое жестом и позой.
Первой поэмой были ругательства –
носители первых сюжета и стиля.

- Созерцание грозного –
огня, водопада, пропасти –
было уже Поэзией,
до рождения смыслов и Бога.
Наука не исключает священное,
а, нежно, остепеняет его, от
суеверия в романтику точности:
обновить вереницы значений,
повысить ставки в игре выживания.

- Поэзия прячется в фактах,
под камнями слов, за узлами идей.
Спускаю пружину – взрывается Знак –
раскованным джинном, безудержной радугой
встаёт, озверевший в молчании, Смысл.
Пример: за царь-запахом АМБРА –
“землистым, морским и животным” –
разрыв кашалота, от массы из клювов
растерзанных в схватке гигантских кальмаров.

- Не только бизнес ощущений –
Поэзия перемещает смыслы,
одушевляет знаки, роет корни.
Экспансия значимого
в где мы не много значим.
Плыть в океан Бессловия:
искать структуру, берег, смысл
а тумане, вязи звуков, ветре;
брать пленных, странных:
формы, мысли, факты.

о себе

Я свил своё пугливое гнездо
на стыках литосферных плит, ревнивых
орденов: шестидесятников Москвы,
парижских intellos, edoko Токио,
еврейства, математики и секса.
И каждое из них дает перетерпеть,
но только обменяв на душу, верность.
Я каждым защищался от могущества других,
но должен я и верен каждой этой глыбе.
Из этих элементов – все мои коктейли,
однако прав, прав только ветер, тоху-боху.

- Души куются уже не семьями, а судьбоносными встречами/книгами, кометами Мастеров Сознания, чеканкой их отпечатков как кратеры на планетах и шрамы на кашалотах. Мои отцы-основатели, имена-заклинания: Волошин, Эредиа, Уитмен, Рильке, Сервантес, Свифт, Кафка, Оруэлл, По, Уэллс, Шекли, Дик, Лем; Хайям, Руми, Сведенборг, Лурия, Шолем, Жаботинский, Спиноза; Паскаль, Ницше, Фрейд, Винникот, Кеплер, Лейбниц, Вороной, Эрдёш; Лоренцо Медичи, Леонардо да Винчи, Диего Деза, Колумб, Уоллес. Брызги с этих комет смешались во мне коктейлем, в неповторимой пропорции. Лишь в этом – моя единственность.

- Когда я смог “писать”, оборвал почти сразу: мешало остаться, по-честному, зверем, сохранить гражданство и койку в ледяном вихре явлений, до их переделки-продажи Пишущим. Убежал с Наукой-красавицей из-под венца с законной Поэзией. Заворожила неисправляемость рисунка реальной жизни. Как у Лучо Фонтана: взрезом холста бритвой.
- Задолго до как покинуть Москву, я выехал в Науку-как-страну. Никогда потом не жалел об этом – “Отечество нам Царское Село”.

- От жидоедов Москвы
я скрылся в храме Науки
и там остался, спасибо
тому же, от intellos Парижа.
Скульптура из страха, дитя
их смеси суда и ненависти,
превратил их мега-энергию –
надежду испепелить –
в сладчайшую волю жить,
в свежесть каждой минуты.
Но таю – скульптура из льда –
при вспышках жара от них.

- Наука, как танец дервишей,
как сладость регрессии:
услышать шепот абстракций
и жить с ними вместе, в таборе.
Я вижу лица понятий,
их страсти и отношения.
Общаться с ними и есть Наука.
И мир стал уютней:
ками за каждым камнем,
подругой в каждом порту.
Первобытное суеверие
очистило накипь в душе
от вялотекущей мерзости
обычной и взрослой жизни.

- Ширина, яркость, пластичность сознания
мельчают и иссыхают с возрастом.
Взрослые быстро тупеют душой,
скучно-двоичны: дичь или хищник.
Я успел отшатнуться от пропасти зрелости,
отлетел птицей-подростком:
неуверенность и любопытство.

- В мои 20-25 лет, когда
полагалось взрослеть,
то есть отрезать язык подсознанию,
мы нашли компромисс.
Сознание стало слугой, агентом
подсознания в внешнем мире.
Подсознание нам бережёт здоровье,
мир и сладость, а в целом –
“всё позволено” на свободе.

- Я был рождён нормопатом,
но вырастил сад безумия:
страх превратил в эмпатию – Ян,
математику, в малый аутизм – Инь.
И продал себя как Аляску
на своё навсегда этим двум.

- Строгим рисунком по мягкому
скользит мой контакт с миром.
Кисло-сладким ручьём ущелья
между Страхом и Восхищением.
Боль восприятия в сладость измерить,
на сушу Поэзии с моря. Науки.

- От Кембрийского взрыва жизни
идёт моя родословная
через Пермское вымирание,
Астероид и Интернет.
Я выполнил долг размножения:
четвертинки – 13 внуков
унесут семена генома
в непостижимость Будущего.

- Предки мои – в веренице зеркал –
Штетл в Могилёвской губернии:
Кру́ги и Рясна – восточнее некуда.
Гаон-вундеркинд за девятым мейозом,
за 1000: пленная Неандерталка.
Быстрее и глубже, а потоке костей,
в бегущем назад оживлении праха:
Эукариот 1.0 – мой подлинный Предок,
начало, предтеча и образец.

- Неандертальцы любили хомок.
Спасибо, мой предок, за всё:
иммунитет, белокожесть
и шизоигривость ума.
Я тоже делал гибридов:
как мог, расширял геном.
А в общем, служил Биосфере
участием в био- и гео- процессах.
Разносчик микробов и мыслей,
я честно работал живым.

- Покой и счастье закодировать пейзажем,
любимым образом, ближайшим человеку.
Я выбирал всю жизнь. И вот он:
лес, мох (отец и мать?),
минуты до ухода солнца.

с о д е р ж а н и е

о познании	4
о математике, времени, числах	16
о живом и эволюции	24
о причинности	38
о боге и морали	48
дороги хомо	60
cosmopolis	78
человек, другие	92
о пределах, тревоге, смерти	102
о поэзии	112
о себе	122

п р и м е ч а н и я

СТИХИ

- 1) Сборник стихов «59-62» Париж: Синтаксис, 1983
(часть была на стр. 79-86 в журнале «Эхо», 3, 1978, Париж)
- 2) Сборник “СТИХИ И ИНТЕРВЬЮ” Москва: Пробел, 2014
- 3) Поэма «1973-1976» в журнале «Новая юность» 2013 No 6 (117)
- 4) Поэма «Cosmopolis» в журнале «Мосты» 2013 No 44 стр. 24-28
- 5) Поэмы «Путями Времени», «Brevitas», «Причины тают», «Чёрные лебеди» в журнале «Семь искусств» 2014 No 2-3 (50), 2014 No 5 (52), 2015 No 6 (63), 2016 No 1 (70).

РУССКАЯ ЧАСТЬ ВЕБ СТРАНИЦЫ ДЕЗА

<http://www.liga.ens.fr/~deza/InRussian/mytexts+infoinRussian.html>

КНИГИ ПО МАТЕМАТИКЕ ПЕРЕВЕДЁННЫЕ В РОССИИ

1) Deza, M., Laurent, M. (1997), «Geometry of Cuts and Metrics», vol. 15, Algorithms and Combinatorics, Springer, ISBN 3-540-61611-X.

Русский перевод: Деза М. и Лоран М. Геометрия разрезов и метрик, Москва, МЦНМО, 2001.
ISBN 5-900916-84-7

2) Deza, M., Grishukhin, V., Shtogrin, M. (2004), «Scale-isometric Polytopal Graphs in Hypercubes and Cubic Lattices», Imperial College Press, ISBN 1-86094-421-3.

Русский перевод: Деза М., Гришухин В. и Штогрин М. Изометрические полиэдральные подграфы в гиперкубах и кубических решетках, Москва, МЦНМО, 2008.
ISBN 978-5-94057-363-0

3) Deza, E., Deza, M. (2006), «Dictionary of Distances», Elsevier, ISBN 044452087-2.

Русский перевод: Деза Е. и Деза М. Энциклопедический словарь расстояний, Москва, Наука, 2008.
ISBN 978-5-02-036043-3

4) Deza, M., Dutour Sikirić, M. (2008), «Geometry of Chemical Graphs: polycycles and two-faced maps», vol. 119, Encyclopedia of Mathematics and its Applications, Cambridge University Press. ISBN 978-0-521-87307-9.

Русский перевод: Деза М. и Дютур Сикирич, М. Геометрия химических графов: полициклы и биполициклы, Москва и Ижевск, Ижевский институт компьютерных исследований, 2012.
ISBN 978-5-4344-0130-2.

5) Deza, E., Deza, M. (2011), «Figurate Numbers», World Scientific.
ISBN 978-981-4355-48-3

Русский перевод: Деца Е. и Деца М. Фигурные числа, Москва, МЦНМО, 2014.
ISBN 978-5-4439-0196-1

6) Deza, M., Dutour Sikirić, M., Shtogrin, M. (2015), «Geometric Structure of Chemistry-relevant Graphs», Springer.
ISBN 978-81-322-2448-8.

Русский перевод: Деца М., Дютур Сикирич М. и Штогрин, М. Геометрическая структура относящихся к химии графов, Москва и Ижевск, Ижевский институт компьютерных исследований, 2016.

мишель мари деза

75 – 77

подписано в печать ?? .06.2014
формат 70x90/₃₂. объем 4,9 усл. печ.л.
тираж ??? экз.

ISBN 978-5-98604-555-9

отпечатано в типографии издательства «пробел-2000»
тел. (495) 287-06-19 e-mail: probel-2000@mail.ru